

Научная статья

УДК 159.99

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.010

К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ БОВИН

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
bovinbg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ ДВОРЯНЧИКОВ

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, dvorian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>

ДАРЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА МЕЛЬНИКОВА

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, melnikovadv@mgppu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>

ИННА БОРИСОВНА БОВИНА

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, innabovina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>

Реферат

Введение: сфокусированность внимания представителей социально-психологической науки на проблеме радикализации объясняется социальным запросом на профилактику данного явления в подростково-молодежной среде. Разработка инструментов оценки риска радикализации являет собой очень важный инструмент ранней диагностики. *Цель:* теоретико-аналитическое исследование с целью критического анализа существующих моделей оценки риска радикализации. *Результаты:* значительное внимание в работе уделено анализу инструментов оценки риска радикализации, которые используются в пенитенциарных системах ряда стран. Кроме того, обсуждаются модели оценки риска в более широкой популяции. *Выводы:* критический анализ существующих моделей радикализации позволяет прийти к заключению о необходимости рассмотрения процесса радикализации через призму такой теоретической традиции, которая была бы адекватна изучению самого феномена (радикализация, будучи процессом легитимизации терроризма, понимается как явление, происходящее в групповом контексте). Кроме того, модель оценки риска радикализации должна основываться на такой теоретической традиции, которая получила бы солидную экспериментальную проверку.

Ключевые слова: терроризм; радикализация; оценка риска; модели оценки риска радикализации; подростково-молодежная среда; уровни объяснения в социальной психологии; социальная идентичность.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта (Государственное задание Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00038-23-02 от 13.02.2023 г. «Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде»).

Для цитирования: Бовин Б. Г., Дворянчиков Н. В., Мельникова Д. В., Бовина И. Б. К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 89–97. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.010.

Assessing Radicalization Risks in the Adolescent and Youth Environment

BORIS G. BOVIN

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, bovinbg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>

NIKOLAI V. DVORYANCHIKOV

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, dvorian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>

DAR'YA V. MEL'NIKOVA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, melnikovadv@mppu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>

INNA B. BOVINA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, innabovina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>

Abstract

Introduction: representatives of socio-psychological science focus their attention on the problem of radicalization due to the social demand to prevent this phenomenon in the adolescent and youth environment. The development of tools for assessing radicalization risks is a very important tool for early diagnosis. *Purpose:* theoretical and analytical research to critically analyze current models for assessing radicalization risks. *Results:* considerable attention is paid to the analysis of tools for assessing radicalization risks, used in penitentiary systems of different countries. In addition, risk assessment models in a wider population are discussed. *Conclusion:* the conducted study shows that it is necessary to consider the radicalization process through the prism of such a theoretical tradition that would be adequate to the study of the phenomenon itself (radicalization, being a process of terrorism legitimization, is understood as a phenomenon occurring in a group context). In addition, the model for assessing radicalization risks should be based on a theoretical tradition that would receive a solid experimental test.

Key words: terrorism; radicalization; risk assessment; radicalization risk assessment models; adolescent and youth environment; explanation levels in social psychology; social identity.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

The work is carried out within the framework of a research project (State assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00038-23-02 of February 13, 2023 "Radicalization risk assessment in the adolescent and youth environment").

For citation: Bovin B.G., Dvoryanchikov N.V., Mel'nikova D.V., Bovina I.B. Assessing radicalization risks in the adolescent and youth environment. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 89–97. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.010.

Введение

Среди многочисленных определений терроризма, существующих в научной литературе, отдадим предпочтение одному, в соответствии с которым терроризм – это действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания [1, с. 496]. Террористическая деятельность нарушает основополагающий запрет, существующий в разных культурах и религиях, касающийся насилия, особенно в том случае, когда оно направлено на безоружных, невинных граждан [1].

Под радикализацией же будем понимать процесс, ведущий к совершению акта терроризма, легитимизацию терроризма [2]. Существенным дополнением к указанному выше определению терроризма является указание на то, что террористическая деятельность выполняется группой, аналогичным образом важно понимать, что и процесс радикализации – это процесс, происходящий в групповом контексте.

Сказанное выше свидетельствует о важности и актуальности изучения механизмов процесса радикализации, а также выявления предикторов вовлечения в террористическую деятельность. Только знание такого рода может быть положено в основу модели оценки риска. Цель предлагаемого в работе теоре-

тико-аналитического исследования заключается в критическом рассмотрении существующих моделей оценки риска радикализации.

Основная часть.

Оценку риска (в самом общем смысле) представляется возможным определить как попытку предсказать вероятность будущего, обычно негативного события, путем рассмотрения факторов, которые, как считается, связаны с вероятностью события [3, с. 283]. Специалисты в области психического здоровья используют такого рода инструменты для принятия решения о риске совершения того или иного варианта насилия индивидом [3; 4]. Анализ инструментов, используемых для оценки риска в случае радикализации и перехода к актам терроризма, свидетельствует о том, что они базируются на такой же логике [4].

С одной стороны, очевидны преимущества, ассоциированные с использованием инструментов оценки риска, поскольку выявление индивидов, уязвимых к процессу радикализации, является способом профилактики. И чем на более раннем этапе радикализации это произойдет, тем больше позитивных эффектов это будет иметь. Если вспомнить постадийные модели радикализации, анализируемые М. Кингом и Д. Тейлором [5], то очевидно, что скорость радикализации варьируется от стадии к стадии, а механизмы, задействованные в этом процессе, разнятся.

С другой стороны, существует целый ряд серьезных препятствий для того, чтобы оценить или спрогнозировать риск того, что индивид, идущий по пути радикализации, дойдет до конца – совершения террористических актов. Одно препятствие касается проблемы прогноза в психологии в целом [6]. Опять же, если обращаться к постадийным моделям радикализации, станет очевидным тот факт, что не все индивиды доходят до конца [5; 7]. Особенно ярко это демонстрируется в модели Ф. Мохаддама, где радикализация определяется как поступательный процесс, реализующийся через прохождение шести стадий (или ступеней). Прохождение каждой ступени приближает индивида к терроризму, делая эту акцию более легитимной [5; 7].

Попытка предсказать, как будет действовать индивид, скорее всего, базируется на постулатах теоретической модели или закономерности и требует особой аккуратности в применении [4; 6]. Отсюда вытекает еще одно препятствие, которое носит этический характер: построение прогноза может означать, что индивид наделяется своего рода ярлыком относительно риска совершения террористических действий [4].

И все же логика построения модели оценки риска не является новой, обозначенные выше препятствия на пути создания прогноза должны быть приняты во внимание для поиска более надежного и тонкого инструмента оценки риска радикализации.

Традиционно различают три подхода к оценке риска: с одной стороны, речь идет о подходе, при котором эксперты, принимающие решения об оценке риска, апеллируют к своему профессиональному опыту и знаниям особенностей индивида. Такая экспертная оценка обладает недостатками, ассоциированными с различного рода пристрастностями, эффектами социальной перцепции, субъективностью при принятии решения [4]. С другой стороны, имеется возможность различать подход, основанный на оценке риска с помощью ряда индикаторов, на основе которых вычисляется интегральный показатель риска индивида с использованием определенного алгоритма. Этот подход имеет некоторые преимущества. В частности, здесь эксплицированы процедуры и критерий, на основе которого принимаются решения о риске, уязвимости субъекта, вероятности совершения им того или иного действия [4]. В то же время в качестве серьезного недостатка этого подхода можно рассматривать теоретическую конструкцию, которая лежит в основе, то предположение, на основе которого разрабатывается система эмпирических индикаторов для измерения риска.

Наконец, представляется возможным говорить о промежуточном варианте, если предыдущие подходы трактовать как своего рода полюса континуума. Третий вариант комбинирует первые два, что позволяет до определенного предела нивелировать недостатки каждого подхода и использовать имеющиеся преимущества. Вслед за К. Сармой можно утверждать, что именно третий подход оказывается наиболее гибким и адекватным в ситуации неопределенности (характеризующейся недостатком информации при принятии решения о риске) [4].

Существующие на настоящий момент модели оценки риска радикализации обладают определенной спецификой, поскольку получили свое преимущественное применение в пенитенциарной системе ряда стран. Разработаны специальные образовательные программы, нацеленные на сотрудников пенитенциарной системы, что позволяет на практике использовать различные инструменты для оценки риска радикализации. В результате принимаются решения о реинтеграции осужденных [4]. Кроме того, радикализация в тюрьмах являет собой актуальную проблему, что уже неоднократно обсуждалось в научной литературе [8, с. 138–153], использование на практике инструмента оценки риска радикализации открывает возможности разработки и реализации системы мониторинга среди осужденных.

Менее разработанной оказывается система мониторинга, нацеленная на выявление представителей подростково-молодежной среды, уязвимых к радикализации и находящихся вне пенитенциарных институций [4; 9]. Размышляя о возможностях использования имеющегося на настоящий момент опыта оценки риска, предпримем критический анализ моделей оценки риска радикализации, применяющихся преимущественно в местах лишения свободы

[4; 10; 11]. Ценность такого анализа можно аргументировать следующим образом: во-первых, это позволяет понять, что имеется в арсенале специалистов по безопасности, каковы механизмы этих инструментов оценки риска радикализации. Во-вторых, некоторые из моделей предназначены для оценки риска в общей популяции (от 12 или 14 лет). И такого рода инструменты оценки риска представляют интерес в логике нашего теоретико-аналитического исследования. В-третьих, критический анализ имеющихся моделей, рассмотрение их преимуществ и ограничений позволили бы приблизиться к разработке более эффективной системы оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Оценка риска радикализации осуществляется на основе той или иной модели [10; 11], остановимся на каждой из них.

Модель VERA-2R (Оценка риска экстремизма, связанного с насилием) предназначена для оценки вероятности экстремистского поведения, связанного с насилием, что позволит затем разработать и использовать соответствующую систему контроля. Эта модель пригодна для оценки риска в случае любого типа экстремизма (политический, религиозный, социальный) среди молодежи и взрослых. 34 индикатора сгруппированы в пять классов: 1) убеждения, установки и идеология; 2) социальный контекст и намерения; 3) история, действия и возможности; 4) приверженность и мотивация; 5) защитные факторы, снижающие риск. Кроме того, используются 11 дополнительных факторов из трех областей (криминальная история, личная история, психическое неблагополучие). Эксперт принимает решение, опираясь на показатели по шкалам. Выраженность каждого параметра модели может быть оценена как низкая, средняя, высокая. Модель предполагает, что факторы риска и защиты являют собой динамические и изменчивые образования, поэтому требуются повторные замеры, которые позволили бы отслеживать индивидуальную динамику [10; 11].

Модель ERG22+ (Руководство по риску экстремизма 22+) разработана для оценки вероятности экстремистского поведения, связанного с насилием, что позволит затем создать и использовать соответствующую систему контроля. Эта модель пригодна для оценки риска в случае любого типа экстремизма (политический, религиозный, социальный) среди осужденных за экстремизм (любого толка). Скрининговая система модели позволяет ее использовать в отношении тех, кто не осужден за экстремизм, но вызывает опасения относительно уязвимости к радикализации. Система включает 22 индикатора, которые сгруппированы в три класса: 1) вовлеченность; 2) намерения; 3) способности. При этом знак "+" в названии модели предполагает, что ряд дополнительных параметров могут быть использованы при принятии решения [10; 11].

Модель RRAP (Оценка риска радикализации в тюрьмах) нацелена на определение степени уязви-

мости и риска экстремизма для разработки последующих мер воздействия. Целевую группу этой модели составляют осужденные, склонные к экстремизму (политическому, религиозному или социальному), связанному с насилием. Этот инструмент интегрирует информацию, получаемую на различных уровнях иерархии в пенитенциарном учреждении, а именно: 1) информация, полученная от руководства; ключевыми здесь являются данные о ситуативных факторах радикализации; 2) информация, полученная от рядовых сотрудников (охранники, представители воспитательной части и пр.). Речь идет о результатах наблюдения за поведением осужденных. На основе этой информации представляется возможным фиксировать изменения в поведении, свидетельствующие о процессе радикализации (своего рода переход от когнитивного уровня к поведенческому); 3) информация, получаемая от самого осужденного (скрининговый инструмент). Таким образом, решение выносится на основе комбинирования всей полученной информации. В целом модель включает 39 пунктов, сгруппированных в 9 единиц [11].

Цель модели IR46 (Модель исламистской радикализации) заключается в выявлении признаков исламистского экстремизма и готовности к применению насилия. Она ограничивается только исламистским экстремизмом, при этом адресована индивидам из общей популяции, направлена на тех из них, кто демонстрирует признаки экстремизма, причем возраст целевой группы составляет 12 лет и более. 46 индикаторов соответствуют двум сферам: идеология (20 индикаторов) и социальный контекст (26 индикаторов), при этом обе сферы действуют одновременно, в каждом конкретном случае перевешивает либо одна, либо другая [10; 11]. При этом модель принимает во внимание тезис о том, что процесс радикализации разворачивается во времени, проходит ряд стадий (первоначальная стадия, стадия социальной отчужденности, джихадизация – стадия, когда индивид принимает необходимость использования насилия, последняя стадия – переход к совершению экстремистских действий или джихаду). Индикаторы риска динамичны, могут изменяться. Таким образом, модель направлена скорее на оценку актуального состояния, чем на прогноз. Повторное использование индикаторов позволяет говорить о динамике риска радикализации индивида.

Модель RADAR-iTE (Оценка повышенного риска исламистского терроризма) – самая специализированная для пенитенциарного контекста, поскольку нацелена на выявление исламистов, готовых к совершению насильственных действий, то есть речь идет только об исламистском экстремизме. Целевая аудитория этой модели – индивиды с высоким уровнем риска (известные террористы), срок заключения которых подходит к концу. Модель предполагает два этапа оценки: 1) представитель пенитенциарной системы дает всю информацию о том или ином осужденном, соответствующем критериям, указанным

выше; 2) предлагается ответить на 73 вопроса, касающихся осужденного (индивида с высоким уровнем риска). Вопросы нацелены на получение информации относительно событий личной и общественной жизни, круга общения, доказательств поездок, мотивированных джихадом, истории насилия и пр. [11].

Все модели апеллируют к разным объяснительным конструктам: так, например, модель оценки риска экстремизма опирается на идеологию, в руководстве по риску экстремизма таким конструктом оказывается идентичность, в модели оценки повышенного риска исламистского терроризма акцент делается на социальном окружении индивида [11]. Модель исламистской радикализации изначально основывалась на идеях модели Ф. Мохаддама [7]. Обращает на себя внимание тот факт, что рассогласование эмпирических фактов и теоретической рамки привели к отказу от логики шести этапов модели, ведущих к совершению террористического акта, что с теоретической точки зрения оказывается дискуссионным.

Модель оценки риска радикализации (оценка риска экстремизма, связанного с насилием) комбинирует идеи ряда моделей и теорий, среди которых: модель М. Сейджмана, теории А. Бандуры и А. Круглянского [10; 11]. В случае руководства по риску экстремизма теоретическая база объединяет идеи, принадлежащие к различным концептуальным схемам: речь идет о теории причинного действия А. Айзена и М. Фишбеина [10], теории авторитарной личности Т. Адорно [10], теории социальной идентичности Г. Тэшфела [12; 13].

Модели разнятся в количестве факторов, на основе которых выносятся суждения о риске радикализации. В случае двух моделей (руководство по риску экстремизма, модель исламистской радикализации) допускается, что эксперт, принимающий решение, опирается на дополнительные факторы риска [11]. Факторы защиты варьируются в этих моделях от небольшого количества фиксированных переменных (например, в случае модели оценки риска экстремизма) до неограниченного количества (например, в случае модели исламистской радикализации) [11]. Наряду с критическими комментариями обратим внимание на одну важную характеристику этих моделей: факторы риска рассматриваются как динамические и изменчивые образования, что делает все эти системы средствами мониторинга риска радикализации.

Все эти инструменты предназначены для профессионального использования и требуют специального обучения для принятия решений о риске радикализации, как отмечалось выше [11]. Анализ моделей оценки риска радикализации, используемых преимущественно в пенитенциарной системе ряда стран [10; 11], позволяет говорить о том, что эти инструменты требуют самого серьезного теоретико-методологического осмысления и экспериментальной проверки.

Наконец, можно говорить о некоторых других моделях, выходящих за рамки пенитенциарной си-

стемы. Эти модели представляют особый интерес, поскольку в перспективе нами планируется именно разработка модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Модель IVP (Идентификация уязвимых людей) нацелена на выявление индивидов, уязвимых к рекрутированию для совершения *экстремистских действий* [10]. Целевая аудитория модели – индивиды, в отношении которых существуют опасения, касающиеся радикализации (этот инструмент применим к широкой аудитории). Модель включает два ряда индикаторов. К общим индикаторам риска относятся следующие: 1) культурная и/или религиозная изоляция; 2) изоляция от семьи; 3) поведение, связанное с риском; 4) внезапная смена религиозной практики; 5) риторика, связанная с насилием; 6) негативное влияние сверстников; 7) изолированная группа сверстников; 8) риторика, связанная с ненавистью; 9) политический активизм; 10) базовая военная подготовка; 11) поездки/проживание за границей. Вторая группа индикаторов (так называемые индикаторы “красного флага” включает такие, как: 1) риторика, связанная со смертью; 2) членство в экстремистской группировке; 3) контакты с известными вербовщиками/экстремистами; 4) продвинутая военная подготовка; 5) участие в зарубежных боевых действиях [10]. Модель предназначена для использования специалистами в области образования.

Модель MLG 2 (Многоуровневое руководство 2) предполагает выявление индивидов, готовых к совершению насильственных действий в составе группы, включая терроризм, то есть речь идет о любом варианте экстремизма. Целевая аудитория этой модели – индивиды из общей популяции (от 14 лет), члены каких-либо групп. Модель включает 16 основных факторов риска, сгруппированных в четыре сферы: индивидуальная, индивидуально-групповая, групповая и группово-социальная [10].

Наконец, *модель TRAP – 18 (Инструмент для оценки радикализации, связанной с терроризмом)* нацелена на выявление индивидов, готовых к совершению идеологически мотивированного и намеренного акта насилия в отношении человека или группы лиц. Целевая группа этой модели – индивиды, готовые к участию в идеологически мотивированном насилии (выявленные сотрудниками правоохранительных органов). Эта модель в большей степени ориентирована на террористов-одиночек, однако может быть применена и к террористической деятельности в группе.

Как отмечалось выше, среди тех моделей, которые используются в пенитенциарной системе, некоторые также могут быть результативны в более широкой популяции.

Дискуссионность использования этих моделей оценки риска обусловлена рядом особенностей: даже если оставить в стороне аспекты этического толка (хотя в моделях и упоминается соответствие этическим кодексам психологических ассоциаций

тех или иных стран [10]), открытыми остаются вопросы относительно того, на какие механизмы радикализации опираются эти модели. Исходят ли они из концепций, получивших проверку в экспериментальных исследованиях? В лучшем случае, модели оценки опираются на комбинацию идей, принадлежащих ряду теоретических моделей [10; 11], в худшем – носят описательный характер, базируясь на ряде наблюдений. Проблема, которую мы усматриваем в стратегии синтетической теоретической рамки, заключается в том, что в отдельности эти теории имеют эмпирическую и даже экспериментальную проверку, но их фрагментарное использование требует соответствующего осмысления и артикуляции на теоретико-методологическом уровне, поскольку сами теории принадлежат к различным уровням социально-психологического объяснения – от интраиндивидуального до идеологического [14]. Не имеют эти модели и экспериментальной проверки, которая необходима для установления каузальных отношений.

Кроме всего прочего, открытым остается вопрос о том, какова точность принимаемого решения, не возникают ли эффекты и феномены социальной перцепции, искажающие восприятие на межличностном уровне, затрудняющие точность оценок, не допускаются ли фундаментальная ошибка атрибуции.

Наряду с рассмотренными выше моделями, применяемыми для оценки риска радикализации в общей популяции, представляется возможным говорить о том, что в образовательных учреждениях, организациях, работающих с молодежью, в ряде стран на практике применяются системы индикаторов для оценки уязвимости индивидов [4]. Одна система разработана в рамках проекта SAFIRE на основе консультаций со специалистами по борьбе с радикализацией (N = 28). Эта система включает показатели (21 признак), сгруппированные таким образом: 1) идентичность и поиск идентичности; 2) ингрупповая и аугрупповая дифференциация; 3) социальное взаимодействие, способствующее насилию, сочетающееся с дистанцированием от привычного окружения (друзья и семья); 4) трансформация имиджа; 5) ассоциирование с экстремистскими группами [4]. Система основывается на методе наблюдения за поведением индивидов.

Другой пример такой системы – практическое руководство, направленное на диагностику степени уязвимости к радикализации. Первый уровень включает особенности когнитивно-эмоционального спектра, которые делают человека уязвимым к воздействию со стороны террористической группировки. Второй уровень – ряд признаков, которые указывают на готовность индивида к применению насилия в сочетании с дегуманизацией тех или иных категорий, на которые направлены действия террористических группировок. Последний, третий, уровень касается причинения вреда (речь идет о знаниях, умениях и навыках, свободном доступе к соответствующему оборудованию) [4]. В целом можно говорить о некоторых

аллюзиях с поэтапными моделями радикализации [5].

Ни в коей мере не пытаюсь снизить значимость и важность имеющихся инструментов оценки риска, сделаем ряд критических замечаний. С одной стороны, в обоих случаях открытым оказывается вопрос о психологических механизмах радикализации, теоретической модели, которая бы объясняла этот процесс легитимизации терроризма. С другой стороны, в обоих случаях представляется возможным констатировать наличие определенных аллюзий с подходом социальной идентичности, в рамках которого идет речь о психологических процессах (социальная категоризация, социальное сравнение и социальная идентификация), которые позволяют понять, чем социальная идентичность людей отличается от персональной идентичности, как формируется и действует социальная идентичность [15, с. 379–398].

В первой системе можно заметить, что индивид радикализируется как член группы [16; 17, с. 75–85], которая конструирует ему определенную социальную реальность, задает социальную идентичность. Следствие этого – дистанцирование от привычного окружения (семья и друзья).

Если вернуться ко второй системе, позволяющей оценивать риск радикализации, где с помощью набора индикаторов предлагается наблюдение за особенностями поведения радикализирующихся субъектов, то опять же параметры одного из уровней станут понятными в логике подхода социальной идентичности: так, группы с экстремистскими и радикальными взглядами задают своим членам социальную реальность, определяют, что является правильным, а что – нет. Как следствие, члены группы получают однозначную основу для оценки представителей аутгруппы, дегуманизируя их, что в результате оправдывает любые действия в отношении этих людей [18, с. 19–35].

Несмотря на определенные аллюзии с подходом социальной идентичности, в частности это касается поиска идентичности (по сути социальной идентичности), межгруппового восприятия (ин-ти аутгрупповая дифференциация), дистанцирования от близкого окружения (семья и друзья) и ассоциирования с экстремистскими группами, это может быть интерпретировано как смена идентичности; тем не менее обе системы оценки риска не сформулированы в рамках этого подхода и не используют в полной мере ее потенциал, не опираются на логику и механизмы подхода, что позволило бы повысить ценность этих моделей.

Позволим заметить, что распознавание признаков, связанных с радикализацией, в обеих системах свидетельствует в пользу того, что индивид под вопросом прошел значительную часть пути под названием «радикализация» (в соответствии с определением, использованным выше [2], это путь, ведущий к легитимизации терроризма). В этой связи технология оценки риска должна опираться на такой диа-

гностический инструментарий, который позволил бы распознать признаки радикализации на более ранней стадии. Можно предполагать, что скорость радикализации различается в начале и конце этого пути. Как показывает анализ постадийных моделей радикализации, рассмотренных выше, если изначально «события по радикализации» происходят преимущественно в когнитивном плане, то на стадиях, приближенных к завершению, этот процесс выходит преимущественно в поведенческий план, план социальных практик и отношений. Данная особенность отражена и в обсуждаемых здесь моделях оценки риска. Именно поэтому в обеих моделях то, что можно пронаблюдать, соответствует такой точке на пути радикализации, когда значительная часть последнего уже пройдена.

Эти примеры наглядно демонстрируют, что модель оценки риска радикализации должна иметь под собой адекватную теоретическую схему, объяснительная сила которой соответствует специфике радикализации, в которой отношения между переменными были бы концептуализированы и опирались бы на экспериментальные факты.

Современная ситуация складывается таким образом, что запросы практики на разработку инструмента оценки риска радикализации в некотором смысле пока еще опережают возможности психологической науки. Это касается, в первую очередь, того, что модель оценки риска, которая могла бы быть использована для прогнозирования вероятности совершения террористической деятельности, предполагает экспериментально проверенную теоретическую рамку, а это, насколько позволяют судить результаты осуществленного выше теоретико-аналитического исследования, пока еще зона ближайшего развития в области оценки риска радикализации.

Заключение

Критический анализ существующих моделей радикализации позволил сделать вывод о необходимости рассмотрения процесса радикализации через призму такой теоретической традиции, которая была бы адекватной изучению самого феномена (радикализация, будучи процессом легитимизации тер-

роризма, понимается как явление, происходящее в групповом контексте).

Скорость процесса радикализации различается в начале и конце этого пути (прихода к легитимизации терроризма). Как показывает анализ постадийных моделей радикализации [5], изначально «события по радикализации» происходят преимущественно в когнитивном плане, на стадиях, приближенных к завершению радикализации, – в поведенческом плане, плане социальных практик и отношений. Именно этот переход зачастую рассматривается как быстрая радикализация, хотя поведенческому плану предшествуют скрытые от наблюдения процессы, происходящие на когнитивном уровне.

В моделях оценки риска, используемых в настоящее время [4], этот факт принимается во внимание, но в силу того, что они базируются на методе наблюдения за поведенческими особенностями радикализирующегося индивида, то, что можно пронаблюдать, соответствует такой точке на пути радикализации, когда значительная его часть уже пройдена. Сложность построения модели оценки риска радикализации, основанная на раннем распознавании признаков радикализации, связана с тем, что в фокусе внимания оказывается то, что происходит на когнитивном уровне индивида, уязвимо к радикализации, вероятно, имеются свои когнитивно-аффективные особенности, инструмент диагностики предполагает определенную субтильность для того, чтобы недопустить ошибочных суждений о субъекта.

Критический анализ моделей оценки риска, базирующихся хотя бы на какой-то теоретической основе, позволяет нам говорить о необходимости разработки модели оценки риска радикализации, которая исходила бы из единого подхода, а не из набора идей, заимствованных из ряда теорий, принадлежащих к различным уровням эпистемологического континуума [14]. Комбинирование идей потребует соответствующей теоретико-методологической артикуляции положений с последующей экспериментальной проверкой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Culture and Extremism / M. J. Gelfand, G. LaFree, S. Fahey, E. Feinberg // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69, no. 3. Pp. 495–517.
2. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a Comprehensive Model of Terrorist Radicalization / M. Pfundmair, E. Aßmann, B. Kiver, M. Penzkofer, A. Scheuermeyer, L. Sust, H. Schmidt // Terrorism and Political Violence. 2019. Vol. 34, no. 1. Pp. 1–23.
3. Herrington V., Roberts K. Risk assessment in counterterrorism // Countering terrorism: Psychosocial strategies / U. Kumar, M. K. Mandal (eds.). London, 2012. Pp. 282–305.
4. Sarma K. M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72, no. 3. Pp. 278–288.
5. King M., Taylor D. M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. Vol. 23, no. 4. Pp. 602–622.
6. Fowler J. C. Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments // Psychotherapy Theory Research Practice Training. 2012. Vol. 49, no. 1. Pp. 81–90.
7. Moghaddam F. M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. 2005. No. 60. Pp. 161–169.

8. Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy / J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal (eds.). Verlag, 2018. 154 p.
9. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, «European Union Terrorism Situation and Trend Report 2020». URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2020> (дата обращения: 26.01.2023).
10. Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and Narratives. URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (дата обращения: 26.01.2023).
11. Risk assessment in prison. European Commission. 2021. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (дата обращения: 26.01.2023).
12. Tajfel H. La catégorisation sociale // Introduction à la psychologie sociale / S. Moscovici (ed.). Paris, 1972. Pp. 272–302.
13. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // Annual Review of Psychology. 1982. Vol. 33, no. 1. Pp. 1–39.
14. Doise W., Valentim J. P. Levels of analysis in social psychology // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences : in 26 vols. 2nd edition. Oxford, 2015. Vol. 13. Pp. 899–903.
15. Handbook of theories of social psychology / P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (Eds.). Los Angeles, 2012. Vol. 2.
16. Wickham B. M., Capazza N. M., Stephenson V. L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective // Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma. 2020. Vol. 29. Pp. 953–968.
17. Societies under threat. A Pluri-Disciplinary Approach / D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds.). Cham, 2020. 224 p.
18. Extremism and psychology of uncertainty / M. A. Hogg, D. L. Blaylock (eds.). Oxford, 2011. 328 p.

REFERENCES

1. Gelfand M.J., Free G.La, Fahey S. et al. Culture and extremism. Journal of Social Issues, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 495–517.
2. Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B. et al. Pathways toward jihadism in Western Europe: an empirical exploration of a comprehensive model of terrorist radicalization. Terrorism and Political Violence, 2019, vol. 34, no. 1, pp. 1–23.
3. Herrington V., Roberts K. Risk assessment in counterterrorism. In: Kumar U., Mandal M.K. (Eds.). Countering terrorism: Psychosocial strategies. London, 2012. Pp. 282–305.
4. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. American Psychologist, 2017, vol. 72, no. 3, pp. 278–288.
5. King M., Taylor D. M. The radicalization of homegrown jihadists: a review of theoretical models and social psychological evidence. Terrorism and Political Violence, 2011, vol. 23, no. 4, pp. 602–622.
6. Fowler J.C. Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments. Psychotherapy Theory Research Practice Training, 2012, vol. 49, no. 1, pp. 81–90.
7. Moghaddam F.M. The staircase to terrorism: a psychological exploration. American Psychologist, 2005, no. 60, pp. 161–169.
8. Cross-cultural dialogue as a conflict management strategy. Ed. by J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal. Verlag, 2018. 154 p.
9. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, “European Union Terrorism Situation and Trend Report 2020”. Available at: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2020> (accessed January 26, 2023).
10. Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and narratives. Available at: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (accessed January 26, 2023).
11. Risk assessment in prison. European Commission. 2021. Available at: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (accessed January 26, 2023).
12. Tajfel H. La catégorisation sociale. In: Moscovici S. (Ed.) Introduction à la psychologie sociale. Paris, 1972. Pp. 272–302.
13. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. Annual Review of Psychology, 1982, vol. 33, no. 1, pp. 1–39.
14. Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology. In: International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences: in 26 vols. 2nd edition. Oxford, 2015. Vol. 13. Pp. 899–903.
15. Handbook of theories of social psychology. Vol. 2 Ed. by Lange P.A.M., Kruglanski A.W., Higgins E.T. (Eds.). Los Angeles, 2012.
16. Wickham B.M., Capazza N.M., Stephenson V. L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective. Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma, 2020, vol. 29, pp. 953–968.
17. Societies under threat. A pluri-disciplinary approach. Ed. by Jodelet D., Vala J., Drozda-Senkowska E. Cham, 2020. 224 p.
18. Extremism and psychology of uncertainty. Ed. by Hogg M.A., Blaylock D.L. Oxford, 2011. 328 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ БОВИН – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, bovinbg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ ДВОРЯНЧИКОВ – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, dvorian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>

ДАРЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА МЕЛЬНИКОВА – преподаватель кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, melnikovadv@mgppu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>

ИННА БОРИСОВНА БОВИНА – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, innabovina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>

BORIS G. BOVIN – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, bovinbg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>

NIKOLAI V. DVORYANCHIKOV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, dvorian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>

DAR'YA V. MEL'NIKOVA – Lecturer at the Department of Clinical and Forensic Psychology of the Faculty of Legal and Forensic Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, melnikovadv@mgppu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>

INNA B. BOVINA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of Clinical and Forensic Psychology of the Faculty of Legal and Forensic Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, innabovina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>

Статья поступила 31.01.2023